

Исламский Мир в «Хронографии» Преподобного Феофана Сигрианского

Юрий Максимов

12/25 марта Церковь вспоминала преподобного Феофана, исповедника Сигрианского, пострадавшего от иконоборцев.

Преподобный Феофан родился около 760 года в семье знатного византийского чиновника. В раннем возрасте он остался сиротой. В молодости он пошел было по стопам отца, определился на государственную службу, вступил в брак с Мегало, дочерью византийского патриция Льва. Но вскоре супруги по взаимному согласию посвятили себя монашеской жизни. В монастыре Полихнион у горы Сигриан преподобный Феофан принял иноческий постриг. Основным его послушанием было переписывание книг богословского содержания. Впоследствии преподобный Феофан был игуменом монастыря «Великое поле» у горы Сигриан, развалины которого на побережье Мраморного моря, между Кизиком и устьем Риндака, сохранились до наших дней. Он основал и несколько других монастырей. Его житие говорит о том, что преподобный принимал участие в VII Вселенском соборе в Никее (787 г.).

В 815 году с возобновлением иконоборчества при императоре Льве V (813–820) преподобный Феофан был вызван в Константинополь, где ему было приказано отречься от иконопочитания. Святой отец отказался. В диспуте он победил будущего иконоборческого патриарха Иоанна Грамматика (832–842). За верность традиции преподобного бросили в тюрьму.

Не лишне привести здесь два письма святого Феодора Студита к Феофану, находящемуся в заключении. Они хорошо показывают и обстоятельства его подвига, и сам характер Сигрианского исповедника.

Вот первое письмо.

«Правда, поздно, но все же я узнал, многожеланный и славнейший отец, что ты схвачен иудействующими и лжехристианами. О, как они не постеснялись наложить руку на человека Божиего, на мужа преподобного, на тело, изможденное долголетними подвигами и сильной изнурительной болезнью! Но те, кто на Самого Христа простерли руку поругания и гонения, на какое только беззаконие не способны!?

Благодарение Богу за Его неизреченную милость, что тебя, больного смертельной болезнью, Он сделал более, чем других, крепким духом, так что ты стал глашатаем истины, мужественно изобличил язык еретичествующий и остался совершенно непоколебимым в исповедании Христа. Это верх твоих аскетических подвигов. Это высшая точка твоего богомудрого ведения. Ты угодил Богу, любящему тебя; сделал приятное ангелам, наблюдавшим за твоей похвальной жизнью. Ты увенчал свою голову венцом исповедничества. Вместе с Церковью Христовой ты и для меня, жалкого и ничтожного, стал столпом спасения. Радуйся и веселись надеждами на воздаяние в бесконечные века. Молись, чтобы и мне, низжайшему твоему сыну, шествовать вслед за тобой»¹¹.

И второе.

«Любезен сыну отеческий голос, и наоборот. Поэтому опять пишу тебе, ибо я твой сын о Господе, увы, не походящий на своего добродетельного отца. Но твои исповеднические страдания – слава для меня. Человек в старости, в тягчайшей болезни, не поднимающийся с постели, испытывающий сильные страдания, ежеминутно ожидающий смерти – и при этом изгнан из преподобной обители, оторван от священного братства, содержится под стражей, лишен необходимых услуг! И ничто из вышесказанного не сломит его любви ко Христу; на все вопросы он твердо отвечает так, как исповедует.

Ты, блаженный отец, истинный венценосец-мученик. Как велика твоя слава, как богат наградами твой подвиг! Твои произвольные, болезненные страдания за исповедание Христа вменяются тебе Богом и благодарными почитателями в произвольные. Ты утвердил православных, посрамил противников, а с ними, прибавлю, – и прикрывающих свои грехи или слабости приличными поводами или какими-то другими причинами. Но Начальник исповедания твоего Христос да будет и Совершителем для тебя. Молитвенно пожелай того же и мне, твоему сыну. Если при тебе отец мой экзарх, приветствую его, смиренный»^[2].

После полутора лет заключения преподобный Феофан был сослан на остров Самофракию, где умер 12 марта 817 года, через месяц после прибытия. После смерти Льва V ученики преподобного Феофана вновь отстроили его монастырь, сожженный иконоборцами. Святого Феофор Студит написал письмо бывшей супруге Сигрианского исповедника, настоятельнице монастыря, о его смерти.

Единственное сочинение преподобного Феофана – «Хронография» – было составлено им как продолжение оставшейся незаконченной всемирной хроники его друга Георгия Синкела и по настоятельной просьбе последнего. «Хотя Феофан и подчеркивает случайность своего обращения к истории (он уступил лишь просьбам умирающего Георгия), им создан один из значительнейших памятников византийской историографии. Рассказ начинается там, где остановился Георгий, – с 284 года и доходит до 813 года»^[3].

Помимо византийской истории, в «Хронографии» описываются крупные политические и религиозные события в жизни персов, арабов, других варварских народов. Это весьма значительный памятник византийской историографии, от которого во многом зависели последующие византийские историки.

Много сведений сообщает святой отец об арабских завоеваниях, истории халифата и взаимоотношениях византийцев с мусульманами. В этой связи особый интерес представляют небольшой отрывок из «Хронографии», посвященный зарождению ислама, а также различные указания на религию арабов, разбросанные по всему последующему тексту. Глава, посвященная Мухаммеду и его религии, очень характерна своей трезвостью и объективностью^[4].

Необычайная осведомленность преподобного Феофана как в исламе, так и в истории халифата неоднократно обращала на себя внимание. Вопрос о том, каким образом могли попасть к нему точные детальные сведения из арабской мусульманской традиции, до сих пор остается открытым.

Традиционно считается, что в этих пунктах преподобный Феофан Исповедник опирался на некую несохранившуюся сирийскую православную летопись VIII века. Британский византист Е. Брукс на основании совпадения «Хронографии» со многими сирийскими хрониками установил использование Сигрианским исповедником серии утраченных сирокхристианских летописей начала, середины и конца VIII века^[5]. Прудфут выдвинула

предположение о том, что проникновение арабского материала в греческую традицию, выраженную у преподобного Феофана, происходило через посредство сирийского источника^[6].

Конрад показал всю сложность и неоднозначность вопроса. Он обратил внимание на то, что, хотя сирийские исторические тексты часто содержат такие же замечания об исламе, что и у преподобного Феофана, в арабских источниках описание тех же событий совпадает с Феофановым в гораздо большей степени. Так что «эти арабские рассказы представляют более сложную историографическую проблему»^[7].

Рассказы, аналогичные тем, что находим в «Хронографии» преподобного Феофана, в мусульманской исторической традиции впервые встречаются в «Сирате» – биографии «пророка», составленной Ибн Исхаком в начале VIII века. Однако большая часть мусульманских событий, о которых сообщает преподобный Феофан, нашла отражения в арабских источниках, относящихся ко времени уже после смерти святого – у таких историков, как ал-Калби († 819), ал-Вакиди († 823) и ал-Мадаини († 839).

Очевидно, что так называемые восточные источники преподобного Феофана включали материал из арабо-исламской традиции, и согласие между «Хронографией» и арабскими рассказами вызвано тем, что преподобный Феофан в этих случаях зависим от исламской традиции^[8].

Например, пассаж «Хронографии» о генеалогии арабов от Авраама демонстрирует прекрасную осведомленность преподобного Феофана с арабскими представлениями о происхождении крупных племен Аравии и их генеалогических связях. Однако подобная систематическая генеалогия появилась только во времена ислама и под его непосредственным влиянием.

На основе значительных текстовых соответствий и точек соприкосновения «Хронографии» с анонимной Сирийской хроникой 1234 года Конрад, как и ранее Брукс, предполагает, что источником труда преподобного явилась несохранившаяся сирийская хроника, обильно излагавшая сведения на основе арабо-мусульманской традиции^[9]. В свою очередь, Панченко обращает внимание на то, что в «Китаб аль-Унван» Агапия Манбиджского, в фрагменте, описывающем VII–VIII века, около 65 % информации имеет прямые параллели с трудом преподобного Феофана^[10], что теоретически не исключает существование арабских христианских источников.

Каковы бы ни были источники преподобного Феофана, очевидно, что последующие византийские историки не были с ними знакомы, но зависят от «Хронографии»^[11], и она, таким образом, сыграла решающую роль в передаче материала из арабских источников в официальную византийскую традицию. «Метод, которым эти материалы были переданы Феофану, сложно определить окончательно»^[12].

Джефферис делает важное дополнение, замечая, что «было бы неблагоприятно полагать, что собственные представления Феофана не оказывали никакого влияния на его перевод. Он не был просто бессмысленным передатчиком более ранних источников, но управлял материалом так, чтобы удовлетворить основную цель в соответствии со своими представлениями об исламе»^[13].

Влияние преподобного Феофана на последующую антимусульманскую полемику и на восприятие религии арабов в целом огромно и вполне сопоставимо с влиянием преподобного Иоанна Дамаскина. Два этих труда органично дополняли друг друга и явились основными источниками для византийских представлений об исламе. А через перевод «Хронографии» на латынь, выполненный в конце IX века Анастасием

Библиотекарем^[14], сведения и мысли преподобного Феофана об исламе стали известны и латинскому миру. Отчасти его «Хронография» повлияла и на арабоязычных христианских хронистов. Так, например, для арабской «Хроники» Бар Ибри одним из источников информации стала именно «Хронография» Сигрианского исповедника.

Говоря о возможных византийских источниках, оказавших идейное влияние на подачу сведений об исламе в «Хронографии», следует отметить, что святой Феофан был знаком с высказываниями преподобного Анастасия Синаита о религии арабов. Он не только воспринял предложенную Синайским святым отцом общую мысль об исламе как наказании за грехи христиан, но прямо цитирует пассаж из его «Третьего слова»: «Между тем как возмущали Церкви и цари и нечестивые иереи, восстал на поражение Христова народа пустынный Амалик»^[15] (ср. у Феофана-исповедника: «и внезапно восстал пустынный Амалик поражать нас, народ Христов»^[16]). «Выраженная в данном пассаже Анастасием Синаитом провиденциальная оценка событий вполне соответствовала собственным взглядам самого Феофана на этот счет, потому он и процитировал его»^[17].

Как верно заметил Конрад, значительная часть приводимого Феофаном материала не историческая, а явно полемическая^[18], и полемическая направленность вполне прослеживается в выборе материала. Аргириу предпринял попытку объяснить принцип отбора преподобным Феофаном материала тем, что он хотел объяснить причину враждебного поведения мусульман по отношению к христианам, а также тех процессов, которые позволили Мухаммеду стать политическим и религиозным главой своего народа^[19].

В целом изложение материала об исламе у преподобного Феофана последовательно и строго логично. Сигрианский исповедник дает родословную арабов (даже упоминает разделение арабских племен на две группы, происходящие от разных предков), описывает их образ жизни (занимались скотоводством... жили в палатках... торговали верблюдами), географически локализует место обитания (в пустыне Мадямской).

После рассказа о происхождении он говорит о социальном положении Мухаммеда, далее повествует о его женитьбе на богатой вдове Хадидже. Преподобный Феофан справедливо отмечает, что после этого шага социальный статус Мухаммеда повысился.

Уже преподобный Иоанн Дамаскин говорил, что Мухаммед «случайно познакомился с Ветхим и Новым Заветом»^[20]. Преподобный Феофан уточняет, где и как это произошло – во время похода с караваном в Палестину. Общение будущего «пророка» с христианами во время походов с караванами описывает и Ибн Хишам^[21], только вместо Палестины в мусульманских преданиях называется Сирия.

Преподобный Феофан отмечает ту же пассивность Мухаммеда при зарождении ислама, какую мы видим и в мусульманских источниках. Его пророческая избранность устанавливается на совете Хадиджи с братом Варакой / другом-монахом: за него решают, что происшедшее было явлением ангела, свидетельствующим, что Мухаммед является пророком, сам же он в создании этой концепции не принимает личного участия.

Также преподобный предлагает свое объяснение пророческих притязаний Мухаммеда; он первым из христианских авторов указывает на болезнь эпилепсией как на ключевой момент в возникновении ислама.

Преподобный Феофан говорит о том, что иудеи вначале приняли Мухаммеда за Мессию (здесь видна зависимость от мусульманских источников, которые постоянно включали подобные истории, чтобы обосновать вселенскую миссию «пророка»). Говорит и о переходе десяти выдающихся иудеев в ислам. Косвенно упоминаются споры Мухаммеда с

иудеями по вопросу об исполнении Моисеева закона. Обращенные иудеи, разочаровавшись в Мухаммеде, но боясь оставить его религию, научили его различным нечестивым мыслям о христианах и христианстве. Среди мусульманских авторов точной параллели этому рассказу нельзя найти, если не считать сообщения Ибн Исхака о восьми (!) иудеях, которые приняли ислам, но лицемерно^[22].

Интересно, что этот сюжет встречается в иудейской средневековой литературе. На еврейском языке первое упоминание его находится в антикараимском трактате X века. Здесь говорится о том, что десять иудейских старейшин внешне приняли ислам, «ради спасения народа Божия», чтобы Мухаммед «не вредил им своими ложными обвинениями»^[23]. Также эта история фигурирует в иудейской арабоязычной литературе. В одном анонимном полемическом сочинении говорится, что «десять мудрых евреев» лицемерно обратились в ислам и помогали Мухаммеду в составлении Корана, закладывая в его текст скрытые указания на порочность и фальшь ислама^[24]. В последней версии эта история фактически целиком совпадает с тем, что изложено у преподобного Феофана, однако указание на антихристианский характер деятельности еврейских лицемеров свидетельствует, что история прошла христианское осмысление, прежде чем попасть на страницы «Хронографии».

Особое внимание в рассказе уделяется Абу Бакру. Он занимал значительное положение среди арабов, был первым мужчиной, поверившим в пророческую миссию Мухаммеда (здесь преподобный Феофан расходится с мусульманской традицией), находился с ним в родстве и был избран им наследником после себя (последний пункт ясно указывает, что мусульманские источники преподобного Феофана были суннитскими: шииты оспаривали легитимность преемства Абу Бакра). Такое особое внимание преподобного Феофана к Абу Бакру объясняется тем, что Абу Бакр был первым арабским правителем, развязавшим войну против Византии и всего немусульманского мира.

Далее преподобный вводит периодизацию становления ислама, выделяя три периода: тайный, военный и открытый. В общем, этой же схемы (мекканский период – мединский – экспансионистский) придерживаются и современные исламоведы. Отмечается в «Хронографии» и особая роль г. Ясриба (Медины) в укреплении ислама. Указывается, что ислам изначально распространялся с помощью войны – впоследствии классический антимусульманский аргумент у византийцев.

Информация о Мухаммеде, приводимая преподобным Феофаном, не расходится с исламской традицией, за исключением, конечно, того, что касается интерпретации фактов. Более того, можно более точно указать, что информация заимствована большей частью из суннитских источников. Начиная с рассказа о происхождении Мухаммеда и до указания этапов становления ислама в Аравии, излагаемые сведения во многом совпадают с «Сиратом» Ибн Хишама († 834), настолько, что эта часть рассказа святого Феофана даже повторяет в миниатюре структуру «Сирата». Но «Сират» Ибн Хишама был составлен после «Хронографии» и источником для нее быть не мог. Возможно, имела место зависимость от сведений из более раннего «Сирата» Ибн Исхака († 767) через посредство неизвестного нам восточного православного источника.

Некоторые значимые отличия от мусульманского текста: активная роль Мухаммеда в женитьбе на Хадидже, определение поведения Мухаммеда во время «ниспосылания откровений» как приступов эпилепсии, проповедь Хадиджи соплеменницам и др. – не содержат самостоятельных сведений, достаточных, чтобы предположить их независимое происхождение, и являются осмыслением автора-христианина сведений мусульманских источников. Отдельные излагаемые святым Феофаном сведения отличаются от общепринятой мусульманской схемы. В частности, он говорит о девяти, а не о трех годах

тайной проповеди, смерть Мухаммеда относит к 622 году, то есть на десять лет раньше срока, приписанного мусульманской традицией.

В конце своего рассказа преподобный Феофан несколько слов посвящает вероучению ислама, подробно останавливаясь лишь на учении о рае. Представление о мусульманском рае в «Хронографии» отчасти совпадает с тем, что находим у преподобного Иоанна Дамаскина (о трех райских реках), но в основном оригинальна: и о совокуплении с женщинами, отличными от земных, и о представлении, что «убивающий врага или врагом убиваемый входит в рай»^[25].

То, что преподобный Феофан лишь кратко говорит о вероучении ислама, упоминая «прочие подобные нелепости», вероятно, следует понимать как ссылку на преподобного Иоанна, который, как раз напротив, исторические моменты ислама упоминает лишь вскользь и по случаю, а больше внимания уделяет вероучению и обрядовой практике. Возможно, Сигрианский исповедник рассматривал те сведения, которые он дает, именно как дополнение к известной работе Дамаскина.

Ниже мы предлагаем перевод обсуждаемого отрывка.

Преподобный Феофан Исповедник

Из «Хронографии»^[26]

«1. (722 г.) В этот год скончался Мухаммед, вождь и лжепророк сарацин, заранее избрав на правление своего родственника Абу Бакра. И в то время прошел слух об этом, и все устремились.

2. Заблудшие иудеи в начале пришествия его сочли, что он есть ожидаемый ими Христос, так что некоторые выдающиеся из них пришли к нему и приняли его веру, отбросив [веру] боговидца Моисея. Было же их числом десять, тех, кто сделали так, и оставались с ним до самого его убийства^[27]. Увидев же, что он ест верблюжатины^[28], узнали, что он – не тот, за кого они его почитали, и находились в затруднении, что делать, а [поскольку] оставить его веру боялись, эти несчастные научили его нечестивым [мыслям] о нас, христианах; и остались с ним.

3. Полагаю же необходимым рассказать о происхождении его: он был из одного родовитого племени, восходящего к Измаилу, сыну Авраама. Ибо Низар, потомок Измаила, провозглашается отцом всех их; он же родил двух сыновей: Мунзира и Рабия. Мунзир родил Курайша, Кяйса, Тамима, Асада и других неизвестных. Все они жили в пустыне Маданской и там занимались скотоводством, обитая в палатках. Были там и [другие], живущие дальше, не из этого племени, но [происходящие от] Иоктана, которые назывались йеменитами, то есть омеритами. Некоторые из них торговали верблюдами их.

4. Поскольку упомянутый Мухаммед был бедным и сиротою, то он решил поступить [на работу] к некоей богатой женщине, его родственнице, именем Хадиджа, как наемник по [уходу за] верблюдами и торговле в Египте и Палестине. По немногом времени же, осмелев, вкрался [в доверие] к этой женщине, бывшей вдовою, и взял ее себе в жены и получил верблюдов ее и все имение. Придя в Палестину, он познакомился с иудеями и христианами. Достал же от них [там] некие писания.

5. [Следует добавить, что] он страдал эпилепсией. Заметив это, жена очень печалилась, что она, будучи благородною, связалась с таким – не только бедным, но и эпилептиком. Он же принялся заискивать перед нею, говоря: «Я вижу некоего ангела, называемого Гавриилом, и, будучи не в силах вынести его вида, помрачаюсь и падаю». У нее же был другом некий

монах, который по зловерию был изгнан и жил там; ему она рассказала все и, [в том числе], имя того ангела. Этот, желая удостовериться ее, сказал ей: «Истину он сказал, ибо этот ангел посылается ко всем пророкам». И она, выслушав слова лжестарца, поверила ему и проповедовала всем единоплеменным ей женщинам, что он есть пророк. И эта молва от жен перешла к мужьям и прежде всего к Абу Бакру, которого он и оставил на смену себе.

6. И в конце концов посредством войны усилилась эта ересь^[29] в пределах Ясриба. Сперва десять лет [передавалась она] тайно, так же десять лет посредством войны и девять лет [возвещалась] явно^[30].

7. Учил он своих последователей, что убивающий врага или врагом убиваемый входит в рай^[31]. Раем же он называл плотскую пищу, питье и совокупление с женщинами; там реки вина, меду и молока, и женщины не здешние, но другие, и совокупление [с ними] долговременное и наслаждение продолжительное. [Помимо этого] и другим подобным распутством и нелепостью преисполнено [учение его]. [Однако он заповедовал также] сострадать друг к другу и помогать обижаемым».

Преподобный Феофан не сообщает ни одного неверного сведения об исламе. Характерно, что он не допускает никакой возможности участия в возникновении ислама каких-либо духовных сил (даже демонических): это порождение стечения обстоятельств и сочетания заблуждения и злой воли отдельных людей. Ислам равно называется в отрывке и «религией», и «ересью», что очевидно показывает, что в то время эти слова не имели такого различия, как сейчас.

Заключает преподобный Феофан свой отрывок тем, что отмечает два положительных момента в вероучении ислама: заповедь о сострадании друг другу и о помощи несправедливо обижаемым. Это разрушает привычные стереотипы о предвзятости и тенденциозности византийских полемистов с исламом.

Помимо сведений, описанных в этой главе, преподобный Феофан дает много другой информации об исламе в дальнейшем тексте «Хронографии», в основном при описании истории арабского халифата. Мы попытаемся вычленить и систематизировать эту информацию, указывая в скобках год, под которым то или иное сведение содержится в сочинении преподобного Феофана.

Вероучение ислама

Преподобный описывает, как халиф Омар, «с сатанинским лицемерием» войдя в Иерусалим, просил у святого Софрония посмотреть иудейский храм, построенный Соломоном (627). Очевидно, этот интерес был продиктован историей мираджа, одним из элементов которой, по мусульманской мифологии, было моление Мухаммеда во главе сонма пророков на крыше не существовавшего уже много столетий к тому времени Иерусалимского храма.

В другом месте, приводя инцидент с Юстинианом II, нарушившим мир с арабами, преподобный Феофан цитирует слова арабов: «Бог будет воздаятелем и судьей виновному» (683). Это свидетельствует о мусульманском учении о едином Боге – судие и воздаятеле, косвенно также предполагает идею грядущего Божиего суда.

Исламский ритуал

Как никто другой в его время, преподобный Феофан осведомлен о мусульманских обрядах и ритуальной стороне ислама, с чем скупое по мере необходимости знакомит читателя.

Так, он упоминает праздник Ид аль-Фитр, называя его «днем идоложертвования» (623). Сообщает, что у мусульман существует пост (765), имеются культовые сооружения, которые преподобный Феофан называет «домом богохульства» (798). Мекка упоминается как религиозный центр мусульман – «рассадник их злохуления» (746). Ритуальный запрет на употребление свинины явствует из упоминания осуществленного мусульманами истребления свиней в Сирии (686). Также у мусульман есть священные реликвии: описывается, что халифы обладали «символами проклятой власти своей: палкой и сандалиями лжепророка Мухаммеда» (746).

Внутримусульманские разделения

Преподобный Феофан был необычайно хорошо осведомлен о внутримусульманских религиозных разделениях, течениях и сектах.

Он описывает начало отделения шиитов от суннитов, говоря, что между сарацинами возникла распря: некоторые были за Али, зятя Мухаммеда, другие же желали Муавию (647). Затем «Али был коварно убит» (651). В дальнейшем, упоминая шиитов и их вождей, преподобный Феофан подразумевает их особую преданность Али и его дому.

Также преподобный Феофан упоминает, что возникла «арабская секта хариджитов», с которой сражался Муавия (652), описывает восстание хариджитов, возглавляемое Дахаком (736), свидетельствует, что христиане были ненавидимы ими (758), и определяет их как «зилотов».

Говоря о шиитском восстании ал-Мухтара, преподобный пишет, что «Мухтар, лжец, в Персии объявил себя пророком, арабы пришли в беспокойство» (674), позднее халиф послал полководца в Персию «против Мухтара-лжепророка и тирана» (678). Ал-Мухтар был правоверным шиитом, которого, впрочем, в период побед простолюдины, составлявшие его армию, превозносили как большего, чем простой смертный. После его гибели суннитские официальные власти, желая опорочить его имя, распространили сведения, подтвержденные его женами, что ал-Мухтар якобы провозгласил себя пророком^[32]. Именно эта версия и попала к преподобному Феофану.

Сигрианский исповедник упоминает также разделения на секты внутри шиитов: «некоторые из черноризых персов секты волхвования, дьявольскою прелестью ослепленные, продали свое имение и, голые, взошедши на стены, низверглись, думая, что они летят прямо в небеса, и, падши на землю, сокрушили свои члены. Начальников сего обмана Абдаллах приказал Селиму казнить смертью» (750). «В Давекe возмутились некоторые черноризцы, назвали сына своего первого советника Богом и распространили это заблуждение» (752).

Притеснения христиан

Преподобный Феофан описывает последовательные и все усиливающиеся притеснения христиан со стороны мусульман, возводя начало притеснений к самому «лжепророку Мухаммеду», который «умер, поставив четырех эмиров для войны против христиан» (623).

Заняв Иерусалим, мусульмане пытались безуспешно строить мечеть, но постройка каждый раз рушилась. Халиф Омар принял совет от иудеев, что это из-за креста, находящегося на горе Елеонской, снес этот крест и многие другие (635).

Халиф Омар II запретил ввоз вина в город и принуждал христиан к отвержению от Христа: отвергавшихся оставлял без податей, приверженных убивал и многих соделал мучениками; узаконил также не принимать свидетельства христианина против мусульманина. Он отправил догматическое послание к царю Льву, чтобы склонить его к отступлению (710).

От некоего иудея халиф Язид II был научен, что будет править долго, если уничтожит в христианских храмах иконы, и обнародовал учение против икон (715). Интересно, что преподобный Феофан описывает неприемлемость икон не как учение, имеющее мусульманские корни, но как учение, возникшее в позднее время среди мусульманских правителей под влиянием иудаизма.

Халиф Исам избил всех пленных христиан во всех городах его владычества, «причем пострадал и блаженный Евстафий, сын знаменитого патриция Марина. Несмотря на все принуждения, он не отрекся от истинной веры и в знаменитом Месопотамском городе Харране оказался истинным мучеником, где святые мощи его благодатию Божиею производят исцеления; но и многие другие в мученичестве пролили кровь за Христа» (732).

Халиф Валид «приказал отрезать язык святейшему митрополиту Петру Дамасскому за то, что он торжественно обличал нечестие арабов и манихеев, и сослал его в заточение в счастливую Аравию, где он до конца жизни свидетельствовал о Христе и ясно исполнял Божественную литургию» (734).

Аббасиды, придя к власти, «убили многих христиан, как родственников прежней династии, хитростью захватив их в Антипатриде» (743).

Арабы из ненависти изгнали патриарха Феодора Александрийского, заподозрив его в происках в пользу Византии, «впрочем, сам Салим назначил местом изгнания его родину. Тот же Салим приказал не строить новых церквей, не ставить крестов и не говорить с арабами о христианской вере» (748).

«Эмир Абдаллах причинял величайшие бедствия христианам, которые жили под владычеством его: он приказал снять кресты с церквей, запретил всенощные бдения и учиться своей грамоте» (758). Также он приказал класть клейма на руках христиан и иудеев (765).

Положительное отношение к христианам

Преподобный Феофан, стремясь быть максимально объективным (что отличает его от других средневековых историков), упоминает и случаи положительного отношения мусульманских правителей к христианам, хотя случаев этих намного меньше, чем упомянутых выше примеров гонений.

Халиф Муавия «из усердия к христианам» восстановил разрушенную землетрясением церковь в Эдессе (670). Халиф Исам «полюбил сирийского монаха по имени Стефан, человека необразованного, но благочестивого», и позволил после сорокалетнего перерыва поставить на Антиохийскую кафедру патриарха (734). Халиф Марван скончавшегося Стефана Антиохийского «всемирными грамотами приказал иметь в почтении всем арабам, потому что сей патриарх был украшен духовными дарами, особенно даром

целомудрия» (736). Также Марван «убил в темнице Аббаса, пролившего много крови христианской» (736).

Полемика против ислама

Распространяющееся могущество арабов было предвещено небесным знамением: явлением «звезды в виде меча» (кометы) (624).

Мусульмане называются «ненавистники Христа» (635), «отверженники Христа» (664), по отношению к мусульманскому правителю употребляются эпитеты «враг Христов» (709), «богоборец» (800). Именно эти эпитеты под влиянием преподобного Феофана повторит впоследствии большинство византийских хронистов, говоря об арабах.

Присутствует в «Хронографии» и традиционное для полемической литературы противопоставление богоугодности христианства богоотверженности ислама. Показывается это на фактах, через безуспешность попыток арабов захватить главный город православной империи. Описывая страшное поражение арабского флота после неудачной осады Константинополя, преподобный пишет, что таким образом арабы «на опыте узнали, что град сей хранит Бог и пресвятая Дева Богоматерь... и нет совершенного оставления Божия на призывающих его по истине, хотя мы на короткое время и наказуемся за грехи наши» (709).

Другая тема – истинность христианства перед лицом ислама, свидетельствуемая устами мучеников. В дальнейшем это получит значительное развитие как в византийской агиографии, так и в полемической литературе, например в «Сказании о мучениках Аморийских» Еводия.

Преподобный Феофан под 734 годом пишет о святом Петре Маюмском, что тот «сделался добровольным мучеником за Христа. Однажды, одержимый болезнью, призвал он к себе начальников арабских как друзей своих, потому что при взимании податей он исполнял должность писца, и говорил им: за посещение ваше получите вы мзду от Бога, хотя вы друзья неверные, но хочу вас иметь свидетелями следующего моего завещания: всякий, неверующий в Отца, Сына и Святого Духа, в Единосущную и Живоначальную во единстве Троицу, слеп душою и достоин вечного наказания. Таков и Мухаммед, лжепророк ваш и предтеча антихриста. Итак, отстаньте от его бредней и поверьте мне, свидетельствующемуся небом и землей. Желаю ныне, как друг ваш, чтобы вы не подверглись вместе с ним наказанию». Сначала арабы думали, что он повредился рассудком от болезни, но после, когда он продолжал восклицать: «Анафема Мухаммеду, и бредням его, и всем верующим в них», то был «изрублен мечом и оказался мучеником». Преподобный упоминает, что об этом писал Иоанн Дамаскин в специальном слове. Это сочинение, насколько нам известно, не сохранилось, его антимусульманская направленность не вызывает сомнений.

Другая полемическая тема: духовное бессилие мусульман перед лицом подлинной духовной реальности христиан. Мусульманский полководец Хумеид хотел разломать раку святителя Николая, но по ошибке разломал чужую. За это его постигла кара: на обратном пути флот его погиб в буре, а сам он едва спасся, признав силу святого (800).

Все упомянутые случаи – это полемика от исторического факта, а не от рациональных аргументов. В этом выражается специфичность полемики этого жанра византийской литературы.

Еще одна любопытная особенность «Хронографии»: обвинение в мусульманском происхождении критикуемых идей как аргумент в богословской византийской полемике. Преподобный Феофан последовательно применяет его в отношении иконоборчества.

Он сообщает, что от некоего иудея халиф Язид II был научен, что будет править долго, если уничтожит в христианских храмах иконы. Он обнаружил учение против икон, но умер в том же году, и это не получило большого распространения. Некий Висир, христианин-сириец, перешел в ислам, а затем прибыл в Византию, где оказался близок ко двору и был соучастником царя Льва в деле иконоборчества (715). Таким образом, Лев «усвоил себе мнения сарацин». Кроме отрицания икон, «проклятый ругался над мощами их, как делают учителя его – арабы» (718). И вообще Лев причинял православным такие притеснения, какие и арабы не причиняли восточным христианам (723).

В своей «Хронографии» преподобный Феофан уделяет большое внимание миру ислама и взаимоотношениям православных с мусульманами, благодаря чему православный читатель в Византии получал возможность узнать, как и чем живут ближайшие к нему грозные соседи.

[1] *Феодор Студит*, преподобный. Послания. М., 2003. Кн. 2. С. 358–359.

[2] Там же. С. 422–423.

[3] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 18.

[4] *Argyriou A.* Elements biographiques concernant le prophete Muhammad dans la litterature grecque des trois premiers siecles de l'hegire // *La vie du prophete Mahomet*. Paris, 1983. P. 168.

[5] *Brooks E.W.* Sources of Theophanes and the Syriac chronicles // *Byzantinische Zeitschrift*. 1906. № 15. P. 578–587.

[6] *Proudfoot A.* Sources of Theophanes for the Heracleian dynasty // *Byzantinon*. № 44. 1947. P. 406.

[7] *Conrad L.I.* Theophanes and the Arabic Historical Tradition: Some Indications of Intercultural Transmission // *Byzantinische Forschungen*. №15. 1990. P. 7.

[8] Там же. P. 9.

[9] Там же. P. 40.

[10] *Панченко К.А.* Источники летописи Агапия Манбиджского по VII–VIII вв. // <http://orient.pu.ru/conferences/april1999/044.html>

[11] *Conrad L.I.* Theophanes and the Arabic... P. 34.

[12] Там же. P. 43.

[13] *Jefferys E.M.* The Image of the Arabs in Byzantine Literature // *The 17th International Byzantine Congress*. NY, 1986. P. 315.

- [14] *Khoury A.-T. A.-T. Les theologiens byzantine contre l'islam. Paris, 1969. P. 108.*
- [15] *Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. T. I. P. 332.*
- [16] *Anastasius Sinaita. Sermo. 3. PG. 89. 1156 C.*
- [17] *Кривов М.В. Феофан и Никифор о начале арабских завоеваний // Византийский временник. № 43. 1982. С. 221.*
- [18] *Conrad L.I. Theophanes and the Arabic... P. 18.*
- [19] *Argyriou A. Elements biographiques... P. 171.*
- [20] *CISC. SG. T. 3. P. 74.*
- [21] *Ибн Хишам. Жизнеописание пророка Мухаммеда. Пер. Н.А. Гайнуллина. М., 2002. С. 49.*
- [22] *Hoyland R.G. Seeing Islam As Others Saw It: A Survey And Evaluation Of Christian, Jewish And Zoroastrian Writing On Early Islam. Princeton, 1997. P. 505.*
- [23] *Mann J. An Early Theologico-Polemical Work // Hebrew Union College Annual. Vol. XII–XIII. 1937–1938. P. 432.*
- [24] *Leevan J. Mohammed And His Jewish Contemporaries // The Jewish Quarterly Review. Vol. XVI. 1925–1926. P. 399.*
- [25] Еще до него Феодор Абу Курра указывал в одном из своих диалогов об этой основе и стимуле священной войны, но преподобный Феофан точно не был знаком с его сочинениями.
- [26] Перевод с древнегреческого, выполнен Ю.В. Максимовым по изданию: *Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. T. I. P. 332–333.*
- [27] Такой смысл имеет употребленное преподобным Феофаном слово sfag. Возможно, имеются в виду легенды о насильственной кончине основателя ислама, подобные тому рассказу, который приводит Варфоломей Эдесский.
- [28] Верблюд входил в число нечистых, по Второзаконию (см.: 14: 7), животных. В тексте Корана, действительно, имеются намеки на разногласия иудеев с Мухаммедом по вопросам пищевых запретов. Коран 6.146 мусульманские комментаторы (как, например, Табари) прямо относили к отрицанию запрета употребления в пищу мяса верблюда.
- [29] Преподобный Феофан использует ту же терминологию в отношении ислама, что и преподобный Иоанн Дамаскин.
- [30] Эти промежутки согласуются с начальной хронологией ислама: десять лет для проповеди в Мекке, десять лет борьбы в Медине и девять лет для завоеваний вне Аравии.
- [31] Коран 4.74.
- [32] *Большаков О.Г. История Халифата. М., 1998. Т. 3. С. 254*